

На утро— ея во дворе самодура,
На поясе мертвой, под липой нашли...
Аксинью ж—ея сироту белокурую—
На кухню к кухаркам в науку свели.

Отец ея пить после стал непомерно
И с ранней весною на Волгу ушел.
Где умер бедняга бездомным наверно
Иль пулю солдат царских грудью нашел...

II.

Другую намычку Аксинья с запечья
Достала и гребнем впустила, как пух,
Как в юные годы косу по заплечьям
Пускала, чтоб парням вывертывать дух.

Кастрики кусочки от зубьев гребенки,
Как щепки у плотника, всюду неслись,
Цепляясь за платье, за волос...

Сегодня

Они что-то с мыслями дружно сплелись.

— „На кухне Аксиньею мыкали всюду
Кухарки сварливые с бранью, с пинком.
Днем чистила овощи, мыла посуду,
А ночью—рыдала с постелью вдвоем.

Но....свыклися думы с сиротскою долей,
Сидела на сереце лишь камнями боль.
Аксинья росла... Ея щеки как зори
Пылали, волнуя всем юношам кровь.

Бывало—пройдется с платком в хороводе
Ударит под дудки в несок каблуком,
Прискажет, припляшет и долго в народе
О ней говорят...

Иль забравшись тайком

В вечернее время в темь черную сада
Она с Ермолаем сидят, говорят...
А звездное небо их радостью радо
И птички в кустах о любви гуторят.

Эх.! Где эти дни золотые минули...
Где счастье пылавших любовью сердец...
Невытянешь ниткой его из кудели
Пеньковых волокон, кастрики, колец!

И сердцем почуяла скоро Аксинья,
Что бьется в ней новая, светлая жизнь,
Но мысль, что она воли барской рабыня,
Что барский бесстыден к невестам каприз
Вязала ей руки... И вместе с Ермилом

В саду не одну ночь гадали: „как быть“?!.
Бежать ли в леса или с дедом Корнилом
Покорно пред барином кудри склонить...